

ISSN: 2219-8229

E-ISSN: 2224-0136

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2219-8229

Has been issued since 2010.

European Researcher. International Multidisciplinary Journal

Philological sciences

Филологические науки

UDC 811.512.122

Discrete Composition of the Kazakh Animalistic Story of 1960-1970s

¹ Gulnar A. Altaeva

² Nursaule P. Kalymbetova

¹ Taraz State University of M.H. Dulati, Kazakhstan
080000, Taraz, Suleimanov st., 7
PHD

E-mail: gulnar69@mail.ru

² Taraz State University of M.H. Dulati, Kazakhstan
080000, Taraz, Suleimanov st., 7

E-mail: nursaule_k58@mail.ru

Abstract. The article analyses subjective forms of expression of the author's consciousness in a literary form. The authors consider the problem of constructing a literary work with an animalistic theme. The authors argue that the originality of works, written by Kazakh writers, consists in a specific exposition of the material, in the correlation of its parts, in the interaction of all the components of the narrative. The analysis shows that the structure of the animalistic works has general compositional features: discrete images, retrospective character, and flashbacks. The authors conclude that the peculiarity of the composite structure is due to the fact that the intrinsic relations of the narrative are more important than their external, subject, spatiotemporal and causal relationships.

Keywords: discrete; animalistic theme; composition; retrospective nature; wildlife and nature; animalistic image.

Введение. В монографиях и исследованиях, изданных в последние десятилетия двадцатого века, анималистическая тема в казахской литературе не была предметом специального и многоаспектного изучения. Между тем, способность воспринимать весь окружающий мир через природу является национальной чертой мироощущения казахских художников, и "перенаселенность" казахской прозы анималистическими образами очевидна и не требует доказательств. Как справедливо заметил Гачев Г.: "киргизу словно врождено ощущать и мыслить мир конем и о себе через коня рассуждать"[1.41].

Жаксылыков А.Ж., исследуя причины изменений происходивших в казахской литературе изменений, писал: "Стилевые новации в литературе семидесятых-восемидесятых годов характеризуются явлениями мифотворчества, романтических исканий, духовно-философских поисков казахских писателей, учета ими опыта мировой литературы [2.6].

Поиски казахской прозы велись в разных направлениях. Писатели использовали различные возможности: притчевые и мифологические конструкции, обращались вглубь веков. Наряду с притчевыми и мифологизированными формами в творчестве казахских художников

можно выделить еще одну форму, обусловленную тягой к повышению философской насыщенности текста. Речь идет об анималистической прозе. “Перенасыщенность” казахской прозы анималистическими образами объясняется древностью воззрений: казахскому народу свойственно буквально все воспринимать через природу.

Анималистическая тема является интернациональной, общечеловеческой. В творчестве казахских прозаиков имеет место переосмысление “своих” и “чужих” традиций. В этом плане интересной представляется мысль Эпштейна М.Н. в статье “Поэтика зимы”: “Каждая национальная литература имеет свою характерную тонику – набор излюбленных мотивов” [3-35].

Актуальность нашего исследования определяется следующим: нравственно-философское, художественное осмысление темы “человек и животный мир” при всем несхождении, более того – противоположности творческих манер разных писателей приводит к появлению в их творчестве в ряде случаев родственных формально-художественных признаков и приемов, в связи с этим возникает необходимость выделения их в особый типологический ряд.

Материалы и методы. Методами данного исследования являются описательный, системно-типологический и целостный анализ литературного произведения. Предметом исследования является многоплановая и содержательная казахская анималистическая проза 1960-70-х годов. Объектом изучения стали повести Магауина М. “Судьба скакуна”, “Гибель борзого”, повесть Кекильбаева А. “Призовой бегунец”, лирическая проза Санбаева С. “Белая аруана”, повести Бокея О. “Осиротевший верблюжонок”, “Кербугу - Серый Олень”, “Сказание о матери Айпаре”, повесть Отгыншиева М. “Каменный Волк”.

Обсуждение. Одним из важнейших элементов художественной структуры произведения является способ повествования. В трудах Виноградова В.В., Бахтина М.М., Кормана Б.О., Исмаковой А.С., Агимова М., Кожевниковой Н.А., Катаева В.Б., Дроновой Т.А [4-7] много сделано для изучения субъективных форм выражения авторского сознания в литературном произведении. Мы во многом исходим из намеченной ими проблематики и опираемся на предложенную ими систему понятий.

Фабулу произведений анализируемого периода составляет история жизни и трагической гибели животного. Однако собственно анималистическая тема у казахских прозаиков часто служит своеобразным каркасом произведения. Главное в них – философское осмысление действительности, выражение глубинного противоречия человеческой сущности, художественное исследование экзистенциальных проблем человеческого бытия. И это выводит казахскую прозу на анималистическую тему за рамки природоведческой, научно-художественной литературы. К природоведческой литературе можно отнести творчество, например, Сэтона Томпсона. Это писатель, у которого все подчинено замыслу – создать художественную книгу о психологии животных. Над разгадыванием тайн животной психики он работает с творческой страстью. Сэтон Томпсон заглянул во внутренний мир животных, в их “душу” с целью наиболее полно представить читателю своего рода летопись об их повадках. Животные у художника изображаются как верные и преданные помощники и друзья.

Поднять обычное повествование о животных до уровня подлинно художественного произведения, до уровня философского эпоса казахским прозаикам удается при помощи особого расположения материала, соотнесенности его частей, из взаимодействия всех компонентов, из сложной системы повествования. В структуре произведений казахских прозаиков просматриваются общие черты. Так, особенностью композиции вышеназванных произведений является прерывистость (дискретность) изображения, прием ретроспекции (“торможение действия в одном временном плане и переключение повествования в прошедшее время”) [8.73].

Повесть Магауина М. “Гибель борзого” начинается со сцены, когда смертельно раненый Лашын, с изувеченной лапой, добрался, наконец, до могилы своего хозяина. Затем автор обращается к первым месяцам жизни щенка, постепенному накоплению псом опыта жизни, параллельно повествуется о трагической судьбе его хозяина. Завершается повесть сценой гибели борзой на могиле своего хозяина.

Такая же композиция характерна и для другой повести Магауина М. “Судьба скакуна”. Отслужившего свой век скакуна ведут вместе с другими лошадьми на мясокомбинат. Далее повествование переключается в прошлое, и читатель узнает многое из истории коня, о его славном прошлом. Завершается произведение возвращением к начальной сцене.

Повесть Кекильбаева А. “Призовой бегунец” начинается также “с конца”. Слепший гнедой встретил и узнал старого сеиса. Встреча послужила поводом для воспоминаний. Эти воспоминания и становятся основной сюжетной линией повести.

В повести Бокея О. “Кербугу-Серый Олень” одинокий, оставленный всеми олень Кербугу переживает первое в своей жизни поражение в схватке с Жасбуту. Это поражение симптоматично, оно означает начало конца. Затем излагается “биография” оленя, начиная с первых дней его появления на свет и до самой смерти. Сходную структуру имеет и другой рассказ Бокея О. “Бура”.

Во всех этих произведениях события излагаются нелинейно, непоследовательно, прерывисто. События, реально следующие за предшествовавшими им, оказываются переставленными местами и изображенными ранее тех, которые по логике повествования произошли задолго до них. Это происходит потому, что в этих произведениях внутренние связи оказываются более важными, чем их внешние, предметные, пространственно-временные и причинно-следственные “сцепления”.

Такого рода произведения Садыков Х. называет повестями-воспоминаниями, повестями-монологами, в которых сильно выражено личностное, субъективное начало [9].

Анализ структуры произведений о животных в творчестве казахских прозаиков позволяет подойти к композиции повестей как к выразительной структуре, отражающей особый характер видения мира автором и его отношение к изображаемому.

Предисловные рассказы в начале перечисленных выше произведений являются важнейшим структурным элементом. Здесь повествуется об уже происшедших событиях, сообщаются итоговые знания о персонажах, задается тон всему последующему повествованию, что позволяет обнаружить направление авторской мысли.

Очень интересные мысли о творчестве Чехова А.П. в свое время высказал Белкин А.А.: “Авторских философских размышлений нет в сочинениях Чехова А.П. И уж тем более нет их у чеховских героев. Философствовать, обнаруживать силу мысли – просто не в их возможности. Социально-философская проблематика возникает у Чехова А.П. как бы ... исподволь” [10.206]. Это высказывание вполне применимо к творчеству казахских прозаиков, работающих в жанре анималистики. Персонажи названной выше прозы не философствуют, не размышляют о смысле жизни, о коренных вопросах человеческого бытия в силу ограниченности своих мыслительных возможностей. В то же время анималистическую прозу казахских художников отличает философская глубина, внимание к проблемам нравственных, этических исканий, стремление через частное выразить общее, через малое – большое и значительное. Причина столь парадоксального на поверхностный взгляд утверждения кроется в следующем: благодаря особому “сцеплению” материала в повестях животное оказывается вписанным в космос, он, так же, как и человек, является частью этого космоса. Это обстоятельство позволяет рассматривать образ животного как фигуру репрезентативную, представляющую то, что характерно для любого живого существа, будь то животное или человек.

В произведениях Бокея О., Кекильбаева А., Магауина М. персонифицируется внесоциальный мир, мир животных. История животного (коня, собаки, оленя, верблюда) освещена в повести с точки зрения тех вечных законов жизни, законов ее буйного цветения, увядания и смерти, которым в равной мере подчинено все живущее в мире (“Судьба скакуна” Магауина М., “Призовой бегунец” Кекильбаева А., “Кербугу-Серый Олень” Бокея О.).

Тема вечного движения перешлепается с раскрытием существующих в современном обществе социальных, нравственно-этических проблем (“Гибель борзого”, “Судьба скакуна” Магауина М.).

Особую художественную функцию в прозе означенного периода выполняют вставные новеллы в виде легенд и микропритч. Наличие вставных новелл позволяет говорить о присутствии в композиции монтажного начала.

Это легенда о золотом веке (“Шахан-Шер” Магауина М.), легендарный рассказ об охотничьей собаке Аккаска (“Гибель борзого” Магауина М.), сообщения о предках нынешних скакунов (“Судьба скакуна” Магауина М.), повествование о древнем пути, проложенном далекими предками верблюда Бура (“Бура” Бокея О.), сообщения о древних городах (“Осиротевший верблюжонок” Бокея О.).

Функции вставных новелл заключаются в создании определенной модели мира – мира должного существования, мира гармонии, противопоставленного современному социуму, утратившему изначально гармонию.

Кроме того, следует обратить внимание на место вставных новелл в композиции произведений. Являясь сердцевинной произведений, они связаны ассоциативной связью со всем содержанием произведения, что нашло свое выражение в неоднократных повторениях сюжетных ситуаций и образов, в варьировании их смысла.

У казахов представления о прекрасном формировались под влиянием природных и социально-экономических условий жизни кочевого народа. Казахи своих детей ласково называли “ботам” (“верблюжонок мой”), “козым” (“ягненок мой”). Молодое животное в глазах казаха – существо прекрасное. Отношение к животному миру как к высокой ценности представляется основополагающим в мировосприятии кочевника. Животное является национальным символом природной гармонии.

В легенде о древнем городе на берегу Сарыарки изображаются поля золотистой пшеницы, тысячеголовые отары овец и табуны быстроногих скакунов как символ благоденствия, благополучия. Все это отсутствует в современном мире. Таким образом, происходит трансформация прежде узко утилитарных понятий, явлений в поэтическую символику.

Особую композиционную роль выполняют повторы. В повести “Гибель борзого” лейтмотивом проходит образ времени: “Эх, даже то невеселое время, вспоминая, будет казаться Лашыну завидным”. У Кекильбаева А. через все произведение проходит образ “приземистой гнедой кобылы” – матери призового бегунца, запах, идущий от рук сеиса.

В повестях казахских прозаиков постоянны упоминания о могуществе предков, об их силе и мужестве (это касается как животных, так и людей). Соответственно эти упоминания порождают сквозной мотив – сожаление об измельчении людей своего поколения. По справедливому замечанию Фортунатова, “в художественном строе рассказа повторение рождает новые смысловые значения” [11. 115]. Функции повторов заключаются в усилении мотива противопоставления мира природной гармонии дисгармоничному существованию человеческого общества.

Результаты. Анализ особенностей построения казахской анималистической прозы позволяет говорить о некоторых устойчивых повторяющихся признаках в произведениях анализируемого периода: дискретная (прерывистая) композиция, прием ретроспекции, монтажное начало, предисловные рассказы, вставные новеллы, повторы.

Общность признаков обусловлена общностью тематики и проблематики казахской анималистической прозы.

Заключение. Казахские прозаики стремились показать огромное эстетическое воздействие мира дикой природы на человека. Природа является важным источником формирования истинно человеческих эмоций, в том числе чувства прекрасного. Через созерцание представителей мира дикой природы происходит приобщение человека к извечным тайнам бытия и мироздания, к непреходящим этико-эстетическим ценностям.

Казахские художники показывают мир диких животных с различных точек зрения: и как реальное окружение человека, и как эстетический объект, и как средство раскрытия человеческого характера, и, наконец, как образы-символы.

Художники-анималисты подчеркивают, что предметом изображения являются реальные представители мира дикой природы – волки, тигры, лисы – с характерными для своего вида особенностями поведения.

В то же время вышеназванные образы – это не только реальные животные, но еще и образы-символы, символы самой Природы, жизненных Первооснов.

Идейно-тематическое своеобразие казахской анималистической прозы определило особенности поэтики произведений казахских писателей, породило ряд художественных закономерностей: многоплановое повествование, ориентация на “чужое” слово, композиционные особенности (дискретная композиция, ретроспекция, предисловные рассказы, вставные новеллы), своеобразие временной структуры.

Примечания:

1. Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. 481 с.

2. Жаксылыков А.Ж.. Образы, мотивы и идеи с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы (Типология, эстетика, генезис) : Автореф. дис. д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1990. 50 с.
3. Эпштейн М.Н. Поэтика зимы // Вопросы литературы. 1987. № 6. С.24-27.
4. Атимов М. Стиль современного казахского романа. Алма-Ата: Наука, 1975. 165 с.
5. Кожевникова Н.А. О соотношении речи автора и персонажа. Языковые процессы современной художественной литературы. Проза. М., 1977. 336 с
6. Катаев В.Б. Повествовательные модели в прозе русского натурализма (1890-е годы) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2000. № 2. С.7-12.
7. Дронова Т.И. Типы повествования в современной исторической романистике 70-х годов: Дис. канд. филол. наук. Саратов, 1989. 187 с.
8. Ибрашева А.Х. Ориентальная проза М. Симашко (Материал и вымысел; повествовательные формы): Дис. канд. филол. наук. Алматы, 2001. 138.
9. Садыков Х. Возможности жанра // Простор. 1982. № 9. С.170-174.
10. Белкин А.А. Читая Достоевского и Чехова. М., 1973. 301 с.
11. Фортунатов Н.М. Принцип композиционно-структурного единства в чеховской новелле // Русская литература 20 века. Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1975. С. 382-391.
12. Магауин М. Лирическое отступление. Повести. Алма-Ата: Жазушы, 1986. 547 с.
13. Кекильбаев А. Степные легенды. Повести. Роман. М.: Художественная литература, 1983. 461 с.
14. Белая аруана. Казахские рассказы. Сост. Крамов И. М.: Художественная литература, 1976. 472 с.
15. Отыншиев М. Каменный Волк // Простор. № 2. 2002. С.14-36.
16. Амиреев А. Полет белой птицы // Простор. № 4. 1998. С.2-18.

УДК 811.512.122

Дискретная композиция казахской анималистической повести 1960-70-х годов

¹ Гульнара Абдуловна Алгаева

² Нурсауле Парымбековна Калымбетова

¹ Таразский государственный университет им. М. Х. Дулати, Казахстан
080000, г. Тараз, ул. Сулейманова, 7 / Казыбек би 143, кв.19
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: gulnar69@mail.ru

² Таразский государственный университет им. М. Х. Дулати, Казахстан
080000, г. Тараз, ул. Сулейманова, 7 / Казыбек би 143, кв.19
Старший преподаватель
E-mail: nursaule_k58@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются субъективные формы выражения авторского сознания в литературной форме. Авторы рассматривают проблему построения литературного произведения на анималистическую тему. Авторы доказывают, что своеобразие произведений казахских писателей заключается в особом расположении материала, в соотношенности его частей, во взаимодействии всех компонентов повествования. Анализ показывает, что в структуре анималистических произведений просматриваются общие композиционные черты: дискретность изображения, ретроспективность, переключение повествования в прошлое. Авторы приходят к выводу, что своеобразие композиционного строения обусловлено тем, что внутренние связи повествования оказываются более важными, чем их внешние, предметные, пространственно-временные и причинно-следственные связи.

Ключевые слова: дискретный; анималистическая тема; композиция; ретроспектива; природа и животный мир; анималистический образ.